

УДК: 912.43

DOI: 10.35595/2414-9179-2024-1-30-342-361

А. П. Красовский¹

**О ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ОДНОИМЕННЫХ СЕЛ
В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ XVI–XX вв.
И ИНСТРУМЕНТАХ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ**

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены исторически имевшие место случаи существования в поселениях совместно учитываемых сел с одинаковыми названиями, а также выявлены причины, приводившие к изменению в них количества таких сел. Проанализированы исторически применявшиеся способы разрешения неоднозначной идентификации одноименных сел. Показано, что способы идентификации имевших одинаковые названия сел, используемые в материалах, составляемых различными ведомствами, могли быть различными: посредством группировки объектов по более мелким учетным единицам, посредством указания их расположений относительно местных объектов природного или антропогенного происхождения, указания ряда их отличительных особенностей, а также посредством формирования для каждого из них уникального названия. Выявлены случаи, в которых могли использоваться те или иные способы идентификации. Показано, что это могло зависеть от ведомства, в котором были составлены документы и картографические материалы (светские или духовные; столичные, губернские или уездные); от круга лиц, составлявших документы (их профессии и вида деятельности); от формы существования материалов (рукописная или печатная); от количества одновременно учитываемых в материалах поселений (нескольких десятков или нескольких тысяч); от количества экземпляров документов (нескольких единиц или целых тиражей). На основе выполненного анализа выработаны рекомендации по отысканию мест хранения сведений о селах в проблемных случаях. Исследование произведено с использованием инструмента «Большие данные». Ход работ продемонстрирован на примере 8 сел Рузского уезда, имевших одинаковые названия на протяжении разных временных отрезков XVI–XX вв. Показана эффективность применения инструмента «Большие данные» для выполнения исследований в данном направлении. Результаты исследования могут быть востребованы специалистами, осуществляющими поиск сведений о сельских поселениях XVIII–XX вв. в исторических источниках, изучающими историю Рузского и смежных с ним уездов, а также работающими в областях истории межевого дела и истории картографии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Рузский уезд, Московская губерния, идентификация поселений, архивные документы, исторические карты

¹ Государственный университет по землеустройству, факультет землеустройства и управления природопользованием, ул. Казакова, д. 15, Москва, Россия, 105064,
e-mail: anton.krass@gmail.com

Anton P. Krassowski¹

ABOUT THE PROBLEM OF IDENTIFYING RURAL OF THE SAME NAME IN RUSSIAN DOCUMENTS OF THE XVI–XX CENTURIES AND THE TOOLS TO RESEARCH IT

ABSTRACT

The historical cases of the existence of jointly accounted rural with the same names in settlements are considered, and the reasons that led to a change in the number of such rural areas are also revealed. The historically used methods of resolving the ambiguity of identifying rural settlements with the same names are analysed. It is shown that this was achieved by taking them into account among smaller accounting units, by indicating their locations relative to local objects of natural or anthropogenic origin as well as indicating their other specific features. It was found that the methods of identification of rural with the same names used in the materials compiled by various departments could be different. Identification could be provided by: grouping objects by accounting units, indicating their distinctive features and locations relative to local objects, as well as by forming unique names for rural settlements that were previously of the same name. Cases have been identified in which certain identification methods could be used. It is shown that this could depend on the department in which the documents and cartographic materials were compiled (secular or spiritual; metropolitan, provincial or county); on the circle of persons who compiled the documents (their profession and type of activity); on the form of existence of the materials (hand-written or printed); on the number of settlements simultaneously taken into account in them (several tens or several thousand); depending on the number of copies of documents (several units or whole copies) and other circumstances. Based on the performed analysis, recommendations have been developed for finding places to store information about rural settlements in problematic cases. The research was performed using the Big Data tool on the example of 8 rural settlements of the Ruzsky district that had the same names at different time intervals of the XVI–XX centuries. It is shown that the use of the Big Data tool makes it possible to carry out research in this direction. The results of the presented research may be in demand by specialists searching for information about rural settlements of the XVIII–XX centuries in historical sources, researching the history of the Ruzsky and adjacent counties, as well as working in the fields of the history of surveying and the history of cartography.

KEYWORDS: Ruzsky district, Moscow province, identification of settlements, archival documents, historical maps

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о том, когда именно в Русском государстве было начато составление материалов, содержащих статистически значимые количества сведений об объектах недвижимого имущества, остается открытым. В настоящее время с уверенностью можно утверждать лишь то, что наиболее древними и подготовленными именно специалистами-историками к использованию в научных целях документами подобного плана являются приправочные книги [Генеалогическая..., 2004, с. 50] Звенигородского и Рuzского уездов, содержащие сведения на середину XVI в. [Кондрашина и др., 1992; Кистерев, Тимошина, 1997].

Для названных материалов, как и для любых хранилищ информации, аккумулирующих в себе сведения о большом количестве однотипных объектов, наиболее удобной

---

¹ State University of Land Use Planning, Faculty of Land Use Planning and Environmental Management, 15, Kazakova str., Moscow, 105064, Russia, e-mail: anton.krass@gmail.com

является идентификация каждого из объектов с использованием какого-либо уникального для него признака [Адлер, Черных, 2016]. Уникальность эта может обеспечиваться как для ограниченной, так и для произвольно большой совокупности объектов. В качестве исторического примера первых из них можно привести совокупность поселений, расположенных на территории волости, а в качестве вторых — в границах губернии или государства.

В современных базах данных, например, используемых в Российской Федерации при учете объектов недвижимости, роль такого идентификатора выполняют кадастровые номера, присваиваемые каждому из принимаемых к учету объектов. В исторических же материалах подобием такого идентификатора являлись названия объектов. Преимущества использования *уникального* для каждого из учитываемых объектов идентификатора очевидны: они обеспечивают удобство при поиске сведений о соответствующих объектах среди данных о прочих схожих объектах, аккумулированных в различного вида хранилищах информации, которые могут представлять собой как современные базы данных, так и исторические материалы.

Основное различие между современными кадастровыми номерами и используемыми в исторических материалах названиями объектов (под объектами в настоящем исследовании подразумеваются поселения, а конкретно — села) с точки зрения представляемого исследования заключено в механизмах их формирования. В первом случае идентификаторы создаются (генерируются) с использованием специально предназначенных для этих целей алгоритмов, а уже затем переносятся в документы; во втором же случае названия первоначально формируются в той или иной общественной среде, а уже затем переносятся в документы [Мурзаев, 1974].

Исторически в Русском государстве сложилась ситуация, при которой в совокупности совместно учитываемых объектов (примером таковых могут являться поселения, расположенные на территории одной волости, уезда и иных территориальных образований) присутствовали по два и более объектов, названия которых были одинаковыми, что приводило к возникновению проблемы их идентификации. Наиболее трудным решение этой проблемы было для объектов одного типа, например, сел, у которых одинаковыми были не только названия, но и иные особенности, используемые для их идентификации [Постников, 1985].

В наши дни решение указанной проблемы может стать необходимым при выполнении генеалогических поисков «по восходящей», в ходе которых требуется отыскивать содержащиеся в документах сведения о родственниках, проживавших ранее в сельских поселениях, названия и принадлежность которых к административно-(церковно-) территориальным единицам изменялись с течением времени [Витов, 1967]. При этом указанная проблема является всего лишь одним из примеров возникающих в наши дни неудобств, вызванных происходившими в прошлом изменениями административного деления территории, на которой располагались поселения. В тех случаях, когда села имели одинаковые названия, решение этой проблемы становится еще более проблематичным. Следует заметить, что подобные неудобства возникали также и в предыдущие эпохи [Поспелов, 2008]. Исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, было посвящено выяснению следующего:

- какие меры принимались для преодоления этих неудобств;
- какими способами решалась проблема идентификация сел в подобных случаях в Русском государстве;
- какие это имело последствия;
- и какие меры могут быть приняты исследователями в наши дни для идентификации сел с целью последующего поиска сведений о них.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для выполнения представляемого в настоящей статье исследования был использован инструмент «Большие данные». Очевидно, что применительно к сведениям XVI–XX вв. использование инструмента «Большие данные» в полном соответствии современным представлениям о нем невозможно. Прежде всего это является следствием относительно малого количества доступной для сбора и анализа в процессе исследований информации. Однако возможности названного инструмента, позволяющие выявлять существующие между объектами исследований зависимости на основе анализа больших объемов разносторонних сведений¹, как в названные эпохи, так и в наши дни остаются одними и теми же. В отношении же количества обрабатываемой в процессе исследований информации следует сказать, что в смысл самого понятия «Большие данные» заложены аккумуляция и совместный анализ такого количества информации, которые могут быть выполнены практически *на пределе* существующих в ту или иную эпоху средств обработки. Из этого следует сделать вывод, что обрабатываемые объемы сведений должны быть соотносимы с имеющимися для их обработки в каждую конкретную из эпох мощностями, из чего следует, что эти объемы в различные эпохи могут значительно различаться между собой. Так, если в наши дни с использованием современных вычислительных средств становится возможным обрабатывать колоссальные объемы разносторонней информации, то для XVI в. под «Большими данными» следует понимать лишь немногие дошедшие до наших дней сведения, содержащиеся в писцовых, переписных, межевых и иных книгах, грамотах, указах, различных списках служащих исторических персон, письмах и прочих материалах, содержащих какие-либо упоминания об объектах исследований, т. к. средствами XVI в. ни аккумуляция, ни обработка больших объемов информации возможности не было.

В ходе представляемого исследования были использованы стандартные для реализации инструмента «Большие данные» методические подходы [Адлер, Черных, 2016]. Они дают возможность привлечь сведения, содержащиеся в различных по назначению и формам представления информации источниках. Применяемые же при реализации названного метода способы выявления зависимостей, в свою очередь, позволяют выявить зависимости, существовавшие между объектами исследований. *Ограниченность* же использования названного инструмента состоит в ничтожно малом (по представлениям наших дней) для его полноценного функционирования количестве принятых к анализу сведений и выполнении их анализа без использования компьютерных технологий².

В качестве фактологического материала в исследовании использованы материалы различных ведомств и уровней власти, составленные для территории Рузского уезда начиная с середины XVI и заканчивая началом XX вв.

---

¹ В качестве примеров можно привести два широко известных случая использования инструмента «Большие данные». Первый из них — это замеченное в 1796 г. Э. Дженнером обстоятельство, что ухаживающие за коровами персоны либо не заболевают натуральной оспой вовсе, либо, заболевая, переносят ее достаточно легко, что позволило впоследствии разработать первую в мире живую вакцину от этого заболевания. Второй — открытие Д. И. Менделеевым секрета бездымного пороха, выполненное на основе анализа ставших ему доступными транспортных накладных. И хотя *в действительности* имела место лишь первая из историй [Менделеев, 1949; Шамшева и др., 2016, с. 13, 14], обе они являются яркими примерами как того многообразия источников, содержащаяся в которых информации может оказаться существенной для решения поставленной задачи, так и того, сколь разнообразны факторы могут решающим образом определять особенности объектов исследований

² Допустимость такого подхода объясняется тем, что настоящее исследование призвано лишь продемонстрировать возможность применения инструмента «Большие данные» при выполнении подобных исследований

К анализу были приняты:

- рукописные и печатные документы;
- обзоры исторических материалов;
- копии документов, обработанные и изданные в соответствии правилами издания исторических документов;
- изготовленные литографическим способом картографические материалы.

Конкретные указания литературных, научных и архивных источников приведены в статье далее в соответствующих местах по мере упоминания каждого из материалов. Доступ к электронным копиям архивных документов возможен с использованием сайта Центрального городского архива Москвы (ЦГАМ). При выполнении исследования предпочтение отдавалось документам и картографическим материалам, содержащим *одновременно* все необходимые для выполнения анализа сведения обо всех объектах¹.

В представляемом исследовании подробно проанализирован промежуток времени с середины XVIII и до третьего десятилетия XX вв. Начальная дата этого интервала объясняется тем, что только начиная с этого времени становятся доступными для выполнения работ метрические и исповедные книги Рузского уезда. На анализе сведений, содержащихся в них, в значительной части и основано исследование. Сведения же, относящиеся к наиболее раннему времени, т. е. к середине XVI в., приводятся в статье лишь в качестве исторической справки, призванной продемонстрировать способы идентификации имеющих одинаковые названия объектов недвижимого имущества, исторически применяемые в Русском государстве, и свидетельствовать о значительной истории рассматриваемой проблемы, т. к. выполнение анализа, подобного выполненному для более позднего времени, на основе материалов XVI в. невозможно в силу крайне ограниченного их количества². Конечная же дата рассматриваемого отрезка времени, а именно — третье десятилетие XX в., объясняется тем, что произошедшие во втором десятилетии в России события коренным образом сменили уклад жизни Русского общества, кардинально изменив процессы образования названий поселений. Выполнение исследований в таких условиях требует привлечения иных подходов и не может быть осуществлено лишь с помощью инструмента, используемого для выполнения исследования настоящего.

В силу того, что доказательная база исследования построена на анализе большого объема содержащихся в исторических материалах (писцовых и метрических книгах, исповедных ведомостях, списках, справочниках, картографических материалах и пр.) сведений, для представления в настоящей публикации выполненного исследования было решено ограничиться использованием материалов, характеризующих территорию, оформившуюся к окончанию XIX в. в Рузский уезд Московской губернии. Для представления же исследования в качестве объектов были избраны 8 сел, попарно имевших на протяжении некоторых отрезков времени одинаковые названия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В начале исследования были рассмотрены наиболее древние, составленные в середине XVI в. [*Кистерев, Тимошина, 1997*] и оказавшиеся доступными для изучения исторические материалы, содержащие сведения о расположенных на территории Рузского уезда объектах недвижимого имущества. В результате было выяснено, что из примерно 2 000 объектов одинаковые названия имеют от 20 до 25 %. При этом около 40 % из

¹ В исторических материалах можно встретить случаи частичной утраты сведений

² Для выполнения исследований для территории Рузского уезда доступны только указанные выше источники, содержащие сведения по состоянию на середину XVI в.

одноименных объектов имеют также и одинаковые типы (села, деревни, сельца, селища, пустоши и пр.). Наиболее часто встречающимися названиями являются: «Высокое» — так называются 5 деревень, 1 сельцо и 1 пустошь; «Горки» — 1 деревня, 1 сельцо и 2 пустоши; «Дубровки» — 1 деревня, 1 погост и 2 пустоши¹.

Селами Рузского уезда, имеющими одинаковые названия, в это время были (рис. 1а): 2 села Никольских (волостей Замощье и Сестринского стана) и 4 села Покровских (волостей Воиничи и Юрьева Слобода, а также Локношского и Сестринского станов).

Анализ названных материалов, выполненный с точки зрения настоящего исследования показывает, что в тетрадах, содержащих сведения об учитываемых объектах, изначально составленных в отдельности для каждой волости или стана [Кистерев, Тимошина, 1997, с. 5–8], фигурируют, по-видимому, сформировавшиеся естественным образом и использовавшиеся в повседневной жизни названия сел (в настоящем исследовании предметом рассмотрения являются названия исключительно сел). В XVI в. при объединении тетрадей в книги не существовало практики составления реестров, которые обеспечивали бы отыскание требуемой информации посредством упорядоченного перечисления названий всех объектов, сведения о которых были аккумулярованы в книгах². Такой подход к организации хранения сведений обеспечивал однозначную идентификацию объектов посредством того, что сведения о них содержались в группах, объединенных по единству их принадлежности к одной волости (стану). Относительно небольшое количество входящих в группу объектов (порядка 100) практически исключало необходимость учета в ней объектов с одинаковыми названиями.

Материалов, пригодных для анализа в целях представляемого исследования, составленных в течение примерно двух последующих столетий, обнаружить не удалось. Поэтому следующими рассматриваемыми документами являются составленные примерно в середине XVIII в. духовным ведомством: сначала книги исповедных ведомостей, а позднее — и метрические книги. Указанные материалы составлялись ежегодно, причем значительная их часть сохранилась до нашего времени и является доступной для изучения [Генеалогическая..., 2004, с. 49]. Их использование обеспечивает возможность получения большого количества информации как об исторических персонах, так и о располагавшихся на территориях каждого из церковных приходов поселений.

Изучая книгу исповедных ведомостей церковью Рузской десятины³ за 1741 г., можно обнаружить только одну пару сел⁴, названия которых одинаковы. Эти села имеют названия «Горбово»⁵ (рис. 1б). Одно из них, с расположенным на его территории Одигитриевским (Смоленской Божией Матери) храмом, имело тип «село» еще издревле, а второе — приобрело этот тип только в 1644 г., после того, как на территории существовавшего прежде сельца с названием «Горбово» впервые был основан Казанский храм [Холмогоровы, 1881, с. 88, 141].

¹ Следует заметить, что сложившаяся на территории Рузского уезда ситуация с повторяющимися названиями не является типичной для всех территорий Русского государства этой эпохи. Так, например, в писцовых книгах Звенигородского (смежного с Рузским) уезда из примерно 1 000 объектов можно насчитать всего лишь около двух десятков тех, названия которых одинаковы. При этом количество повторов каждого названия не превышает двух, а типы соответствующих объектов, как правило, различаются. Повторяющихся же названий *сел* на территории Звенигородского уезда в эту эпоху нет вовсе

² Данное обстоятельство, по-видимому, может быть объяснено значительной трудоемкостью изготовления письменных материалов, характерной для XVI в.

³ Десятина (в контексте данной статьи) — единица церковно-территориального деления этой эпохи

⁴ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 747, Д. 66, Л. II, Поб., III

⁵ В результате проведенных в течение двух предыдущих столетий реформ территориального деления некоторые села, ранее относившиеся к Рузскому уезду, стали учитываться в числе сел смежных с ним уездов

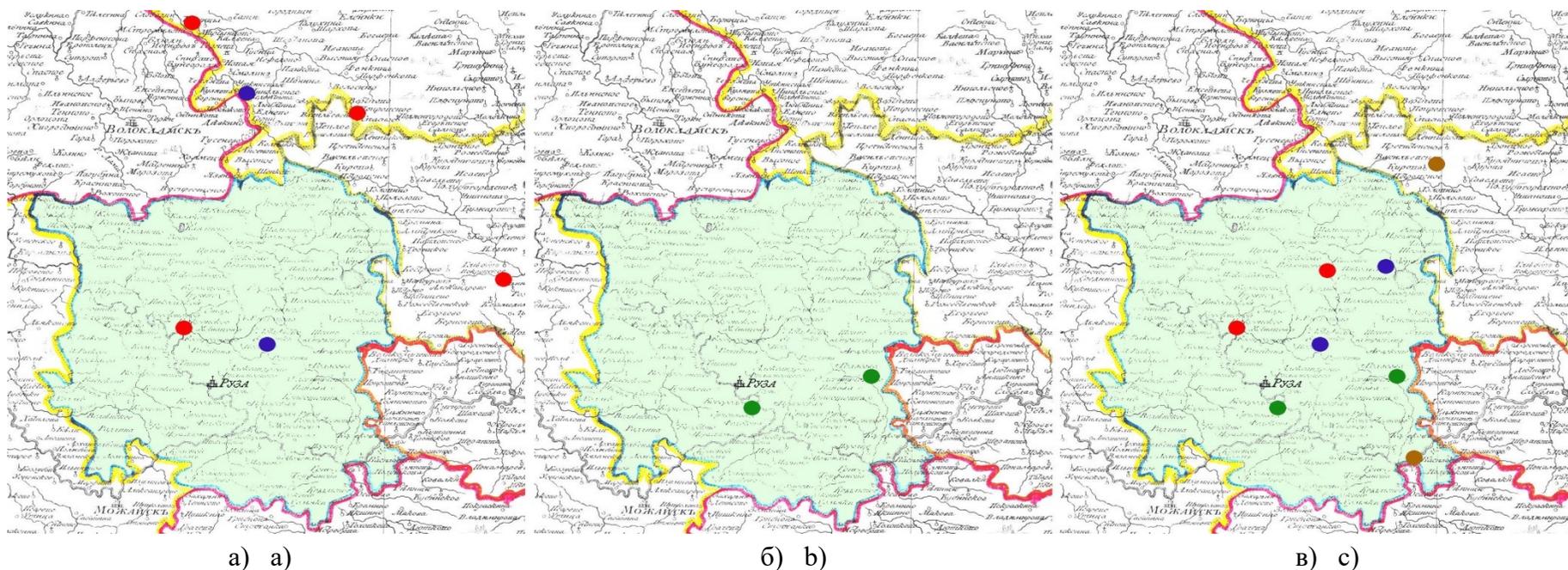

Рис. 1. Фрагмент листа № 17 Атласа 1792 г.¹ с указанием мест расположения относившихся к Рузскому уезду сел, имевших в различные эпохи одинаковые названия (границы и территория Рузского уезда указаны по состоянию на 1792 г.). Кружками красного цвета обозначены села Покровские, синего цвета — Никольские, зеленого — Горбовы, коричневого — Васильевские.

a) по состоянию на середину XVI в.; б) по состоянию на 40-е гг. XVIII в.; в) по состоянию на начало XIX в.

Fig. 1. Fragment of sheet No. 17 of the Atlas of 1792¹ with an indication of the locations of rural belonging to the Ruzsky district that had the same names in different eras (the borders and territory of the Ruzsky district are indicated as of 1792). The Pokrovskie rural are marked with red circles, Nikol'skie — blue, Gorbovi — green, Vasilevskie — brown.

a) s of the middle of the XVI century; b) As of the forties of the XVIII century; c) As of the beginning of the XIX century

¹ Российский атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок на два наместничества ИМПЕРИЮ разделяющий. Сочинен, гравирован и печатан при Горном Училище. СПб, 1792. 44 л.
The Russian atlas consists of forty-four maps and divides the EMPIRE into forty-two governorates. Composed, engraved and printed at the Mining College. St. Petersburg, 1792. 44 sheets (in Russian)

Анализируя сведения, приведенные в *заглавиях тетрадей* исповедных ведомостей (например, обоих сел Горбовых за 1741 г.¹), можно видеть, что для каждого села в них в первую очередь указываются сведения, являющиеся существенными для духовного ведомства: освящения расположенных на территориях каждого из сел храмов и фамилии (а также имена) священнослужителей. Для принадлежащих историческим персонам сел указываются и их владельцы. Приводимые сведения позволяли однозначно идентифицировать каждое село, т. к. полное совпадение указанного набора сведений для различных сел было практически невозможным.

В *реестрах* же книг² ввиду необходимости представления каждого упоминаемого в нем села посредством минимального, занимающего не более одной строки набора сведений, указывались только названия сел и освящения храмов. В случае с селами Горбовыми³ это позволяло однозначно идентифицировать каждое из сел вследствие того, что располагавшиеся на их территориях храмы имели разные освящения.

Сравнивая наборы сведений, приводимые для идентификации сел в светских и церковных документах, можно констатировать, что в церковных документах в качестве идентифицирующих признаков использовались особенности сел, существенные именно для духовного ведомства; волости же, в которых располагались села, в церковных документах, в отличие от светских, не указывались.

Анализируя иные, составленные также духовным ведомством документы, можно заметить стремление их составителей обеспечить удобство идентификации сел Горбовых путем придания им уникальных названий. Так, в списках священнослужителей Рузского уезда 1766 г.⁴ село Горбово, на территории которого располагался Одигитриевский храм, именуется «Одигитриевское Горбово»; другое же село Горбово, с Казанским храмом, названо: «Горбово, Казанской церкви». Позднее же, например, в книгах исповедных ведомостей 1788 г.⁵, второе из сел и вовсе получит новое название — «Богородицкое».

По материалам последующего времени можно отметить, что к середине 70-х гг. XVIII столетия уникальные названия сел этой пары использовались и в документах, составляемых светскими властями. Примерами этому служат их названия «Одигитриевское, Горбово тож» и «Богородское, Горбово тож», которые используются в описаниях землевладений [Кусов, 2004, с. 211, 189] и на межевых планах⁶, составленных по итогам выполнения генерального межевания территории Рузского уезда в 1766–1773 гг. Похожие названия, «Одегитриевское» и «Богороцкое», эти села имеют и на Географической карте Московской провинции 1774 г.⁷

Одновременно с названными выше процессами в три последних десятилетия XVIII в. происходили также и изменения административно-, и церковно-территориальных делений Московской губернии. Одним из их следствий являлось появление в числе

¹ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 747, Д. 67, Л. 264, 424

² В Духовной Консистории составляли рукописные копии книг, переданных в нее из приходов церковью подведомственной десятины (уезда). В зависимости от места составления книги было принято называть консисторскими или приходскими [Генеалогическая..., 2004, с. 179]. Иногда, следуя традициям XVI в., копии приходских книг, являющиеся частями книг консисторских, продолжали называть *тетрадами*. Для удобства поиска книг (тетрадей) нужного прихода (церкви, села) в XVIII в. уже существовала практика составления реестров, или алфавитов

³ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 747, Д. 66, Л. Поб., III

⁴ ЦГАМ, Ф. 607, Оп. 1, Д. 15, Л. 29, 29об.

⁵ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 747, Д. 584, Л. 281

⁶ План генерального межевания одноверстного масштаба 1792 г.

Plan of the General survey of the single-layer scale of 1792 (in Russian)

⁷ Географическая карта Московской провинции, сочиненная с Генеральных Уездных межевых планов попечением Межевой Канцелярии членом Коллежского Советника Зенбулатова и Инженер Майором и над Чертежною Директором Горихвостовым. 1774 г.

поселений Рузского уезда еще нескольких пар, имеющих одинаковые названия сел. Так, в метрических книгах Духовной Консистории 1793 г.¹ можно видеть две пары сел с названиями «Никольское»² и «Покровское», а позднее, в книге исповедных ведомостей 1798 г.³ — и еще одну пару сел с названиями «Васильевское»⁴. При этом следует особо отметить, что названия этих сел являлись давно сформировавшимися и устойчивыми во времени, т. к. наименьшая продолжительность существования поселения с типом «село» в этой группе к этому времени уже превышала сто лет [Красовский, 2020].

Наиболее ранней, доступной и удобной для выполнения детального анализа, т. к. в ней содержатся подробные сведения обо всех рассматриваемых в настоящей статье 8 селах (включая в это число и два села Горбовых)⁵, является упомянутая выше консисторская книга исповедных ведомостей 1798 г.

Различать недавно вошедшие в состав Рузской десятины села Васильевские было возможно посредством имевшихся в заглавиях тетрадей каждого из них указаний освящений расположенных на их территориях храмов: Рождества Пресвятой Богородицы и Воскресения Христова соответственно. Для идентификации сел Покровских, на территориях которых располагались имеющие одинаковые освящения храмы Покрова Пресвятой Богородицы, можно было использовать имеющиеся в заглавиях тетрадей указания их владельцев: Долгоруковых для одного из них и Шереметевых для другого. Для идентификации же сел Никольских, на территориях каждого из которых располагались храмы, имеющие одинаковые освящения во имя Николая Чудотворца, приходилось использовать фамилии служивших в них священников⁶, т. к. иные сведения, позволяющие их идентифицировать (например, фамилии владельцев), указаны не были.

Основываясь же исключительно на сведениях прилагаемого к книге реестра, в котором, как и в иных реестрах, были указаны только названия сел и освящения расположенных на их территориях храмов⁷, определить, какое из сел Никольских или Покровских⁸ приводилось под тем или иным номером, возможности не было.

¹ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 745, Д. 841

² Для третьего села Никольского, также впервые встречающегося в книге исповедных ведомостей церковью Рузского уезда 1798 г. [ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 747, Д. 729, Л. 1 об., 868], указывалось древнее название «Надовражное тож». Таким образом, название этого села являлось уникальным, в результате чего оно не рассматривалось в представляемом исследовании

³ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 747, Д. 729

⁴ Кроме названных, начиная с конца XVIII в. в документах можно обнаружить присутствие еще одной пары одноименных сел — «Рождественских». Истории формирования их названий, несмотря на всю их сложность, отчасти схожи с историями формирования названий, представляемых в настоящей статье, поэтому сведений об этой паре сел в ней было решено не приводить

⁵ В метрических же книгах все 8 названных сел одновременно упоминаются только начиная с 1818 г.

⁶ Это обстоятельство способно осложнить использование подобных документов в наши дни, т. к. фамилии священнослужителей нам практически неизвестны. Для его преодоления следует анализировать сведения об имущественной принадлежности поселений (вотчин), упоминаемых в текстах записей, имеющих в исповедных или метрических тетрадях

⁷ Особенностью этой книги, как и иных книг данной эпохи, является отсутствие в ней реестра, составленного одновременно со снятием консисторских копий с исповедных книг каждого из приходов. В консисторской книге имеется только реестр, составленный в 1825 г. Реестры представляют интерес вследствие того, что в них идентификация церковей (сел), в отличие от заголовков тетрадей, выполнена посредством указания минимального набора сведений, т. е. с соблюдением того же условия, что и идентификация сел, сведения о которых приводятся в справочниках, составленных светскими властями

⁸ В реестре метрических книг 1796 г. (ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 745, Д. 874, Л. 9 об.) для сел Никольские и Покровские видны очевидно сделанные другим лицом в более позднее время (что понятно по иным пометкам и использованному пишущему средству) надписи, содержащие указания их владельцев, что свидетельствует о предпринимаемых пользователями этого документа попытках облегчения поиска сведений о них

В светских документах идентификация рассматриваемых в настоящей работе сел была организована иным способом. Так, в уже упомянутых выше описаниях землевладений, составленных в 1766–1773 гг., для идентификации указывались волости (станы), в которых они располагались, а также как актуальные на даты составления описаний, так и прежние их названия (при наличии таковых). Дополнительно к этому все объекты были нанесены на специально составленные карты одно- или двухверстных масштабов, что позволяло выполнять идентификацию с использованием местоположений каждого из них. Комплекс предпринятых мер позволял практически исключить возможность ошибочной идентификации каждого из объектов. На *обзорных* же картах, например, на карте десятиверстного масштаба 1792 г.¹ (на которых в силу специфики предъявляемых к ним требований отсутствовала возможность указания дополнительных сведений о поселениях, в частности, их исторических названий), фигурируют по 2 Васильевских и Покровских села, а также села Богородское, Одигитриевское и Никольское² (рис. 1в).

Процесс изменения названий рассматриваемых одноименных сел можно подробно проследить, пристально изучая церковные материалы различных годов. Эта возможность появляется вследствие той особенности церковных материалов, что как метрические книги, так и книги исповедных ведомостей составлялись ежегодно, начиная примерно с первой четверти XVIII столетия, и аккумулировали в себе сведения об отражаемых ими событиях и субъектах в количестве, позволяющем, хотя и с очевидными ограничениями, использовать инструмент «Большие данные». В то же время перечни населенных пунктов, справочники, описания землевладений, карты, атласы и иные подобные материалы (т. е. материалы, в которых также содержатся необходимые для выполнения настоящего исследования сведения) составлялись светскими властями весьма редко.

В составляемых духовными властями документах первой половины XIX в. можно заметить проявление двух тенденций. Первая из них — возвращение к исторически использовавшимся названиям, а вторая — изменение подходов к именованию сел и своеобразная «унификация» подходов к формированию их названий.

Под влиянием первой тенденции происходит возвращение к названиям, использовавшимся до эпохи реформ административно- и церковно-территориальных делений³. О ее проявлении свидетельствует то обстоятельство, что если в *заглавиях* тетрадей исповедных ведомостей 1741 г. для 32 сел Рузского уезда не приведено ни одного из 11 использовавшихся прежде названий⁴, то в *заглавиях*⁵ тетрадей исповедных ведомостей

¹ Российский атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок на два наместничества ИМПЕРИЮ разделяющий. Сочинен, гравирован и печатан при Горном Училище. СПб, 1792. 44 л.

² На карту нанесено только одно из рассматриваемых нами сел Никольских, принадлежавшее Шереметевым. Принадлежащее же Долгоруковым село Никольское, вероятно, вследствие ошибки, на карте не указано

³ Влияние этой тенденции приводит к указанию в различных материалах в качестве альтернативных ранее использовавшихся названий. Альтернативные названия указываются после названий, используемых на дату составления документа, и снабжены пометкой «тоже». Ее проявление можно обнаружить еще в писцовых книгах XVI в., книгах исповедных ведомостей первой половины XVIII в. и в материалах генерального межевания второй половины XVIII в. Наиболее же ярко она проявляется в первой половине XIX в.

⁴ К этому времени, помимо подробно рассматриваемых в настоящей статье сел Горбовых, типы «село» и новые названия «Спасское», «Воскресенское», «Богословское», «Воскресенское», «Знаменское», «Рождествено», «Преображенское», «Архангельское», «Пречистенское» и «Спасское» приобрели поселения (села, сельцы или деревни), именовавшиеся ранее «Дуброво», «Ивойлово», «Дорки», «Кожино», «Комлево», «Колубакино», «Крымское Дворище», «Мытники», «Поповское» и «Сляднево» соответственно [Красовский, 2020]

⁵ В 10-е гг. XIX в. изменяются подробность и форма представления сведений в метрических книгах, однако представляемый в *заглавиях* тетрадей набор сведений существенных изменений не претерпевает

1834 г.¹ указаны прежние названия уже 3 из 11 переименованных ранее сел² (не считая сел, изменения названий которых являются предметом настоящего исследования). Не исключено, что это происходило под влиянием того обстоятельства, что в деловой практике продолжали использоваться названия, которые ранее употреблялись в общественной жизни и продолжали фигурировать в материалах, составляемых светскими учреждениями, например, военно-топографическим депо^{3,4} и почтовым ведомством⁵.

Под влиянием же второй тенденции в устойчивых во времени одинаковых названиях сел формируются указываемые через черточку вторые части. Это позволяло сформировать уникальное название для каждого села, например, посредством указания фамилии его владельца, тем самым обеспечив его однозначную идентификацию⁶.

Наиболее отчетливо обе указанные тенденции проявляются в названиях сел, приводимых в *реестрах* метрических книг⁷ 1846 г.⁸ В результате их влияния избранные для представления настоящего исследования названия сел становятся следующими: «Васильевское Яковлевых» — «Васильевское Хлебниковых», «Горбово Тупина» — «Горбово Пашкова» и «Никольское Долгоруковых» — «Никольское Гагарина».

В отношении же пары сел Покровских следует сказать, что в десятые годы XIX в. принадлежащее фамилии Долгоруковых поселение Покровское утрачивает тип «село» и становится деревней с названием «Покров» [Красовский, 2020]. Однако, несмотря на это, в

---

¹ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 747, Д. 1252

² Это происходит с названиями сел: «Богословское, Каменка тоже», «Знаменское, Комлево тоже», «Архангельское, Мытники тоже» (ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 747, Д. 1252, Л. 511, 561 и 727). Еще в 6 из этих 11 случаев к этому времени произошел возврат к названиям, использовавшимся до эпохи, в которую поселения получили новые названия, образованные от освящений основанных или ранее уже существовавших на их территориях храмов. Так, были возвращены древние названия сел Дуброво, Ивойлово, Крымское, Кожино, Коллюбакино и Сляднево (ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 747, Д. 1252, Л. 339, 437, 467, 577, 609 и 970)

³ Специальная карта западной части Российской империи, составленная и гравированная в 1/420 000 долю настоящей величины при Военно-топографическом депо во время управления Генерал-квартирмейстера Нейдгарта под руководством Генерал-лейтенанта Шуберта, 1832. 63 л.

⁴ На картах этого времени присутствуют ошибки, о которых следует помнить современному исследователю. Так, на карте Шуберта 1832 г. отсутствуют некоторые значимые поселения (например, село Ащерино); названия некоторых поселений искажены (деревня Редькина поименована деревней «Родкина»); а типы поселений могут быть указаны неверно (для поселения с названием «Покров», принадлежавшего Долгоруковым, и на дату составления карты имеющего тип «деревня» по-прежнему, указан тип «село»). Это может быть объяснено большим объемом информации, отображаемой на карте, высокой трудоемкостью и, по современным меркам, примитивностью технологии ее изготовления

⁵ Дорожная карта Российской империи, всем почтовым, проселочным, проезжим дорогам способным для кратчайшего проезда всякому вообще, а паче нужным для провозу товаров торгующему купечеству и прочим промышленникам. Соч. в 1809 г. СПб, 1809. 1 л. цв., раскраш. границы, табл.

⁶ Описания землевладений также содержат указания их владельцев, однако в наши дни с использованием этого признака возможно идентифицировать только те объекты, которые на протяжении длительных промежутков времени принадлежали одним и тем же фамилиям, например, Долгоруковых и Шереметевых

⁷ В 40-е гг. XIX столетия происходит очередное изменение формы представления приходскими метрическими сведениями: сведения о храмах теперь указываются не в заглавиях, а на их титульных листах, а формируемые приходскими метрическими документами называются не тетрадами, а книгами. Кроме того, происходит уменьшение количества сведений, указываемых на титульных листах книг: на них отныне не приводятся фамилии настоятелей храмов и священников. При этом подробность сведений, приводимых в отношении регистрируемых в метрических книгах событий, напротив, еще более возрастает

⁸ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 745, Д. 1717, Л. I; ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 745, Д. 1718, Л. I

названии второго, сохранившего тип «село» поселения этой пары, остается вторая составляющая, указывающая фамилию его владельца: «Покровское Шереметева»¹.

Используемые в это время способы идентификации в церковных документах сел с продолжающими оставаться одинаковыми названиями нельзя назвать устоявшимися и единообразными. В некоторых случаях для этого, как и ранее, указываются освящения располагающихся на территориях сел храмов (примером этого подхода является пара сел Васильевских²). В некоторых случаях идентификация может быть обеспечена посредством указания большего количества сведений, указываемых, например, в *заглавиях* тетрадей (или на *титульных листах*) метрических книг³. Однако следует учитывать, что в *заглавиях* тетрадей (как и на *титульных листах* книг) могут быть указаны названия сел, отличающиеся от указанных в *реестрах*. Примером этому являются названия пары сел Горбовых, для которых в заглавиях тетрадей исповедных ведомостей 1834 г. указаны названия «Одигитриевское, Горбово тоже» и «Горбово», в то время как в реестрах они фигурируют под названиями «Горбово Мосальских» и «Горбово Хованских» соответственно⁴.

Еще одна особенность *реестров* церковных документов середины XIX в. состоит в том, что вторая часть приводимых в них названий сел может содержать⁵ указания фамилий персон, которые могли являться как их единственными владельцами, так и быть их *совладельцами* на даты составления документов или когда-либо в прошлом. Так, в реестре метрической книги 1846 г. вторая часть названия села Васильевского с расположенным на его территории Воскресенским храмом содержит указание фамилии Яковлевых, в то время как персоны этой фамилии владели селом только в середине 30-х гг. XIX в.;⁶ позднее же, в 1847 г. (прочитать соответствующие записи в книге 1846 г. возможности не представилось), его *совладельцами* являлись члены фамилий Щербатовых и Бартололи⁷. Также, указанные в реестре книги 1846 г. в названии одного из сел Васильевских (с расположенным на его территории Рождественским храмом), члены фамилии Хлебниковых были не единственными его владельцами, а лишь *совладели* им наряду с членами фамилий Вейденгаммер, Бунс и Волинских⁸. Таким образом, становится возможным заключить, что в реестрах метрических книг и книг исповедных ведомостей 40-х гг. XIX в. для одноименных сел во вторых частях их названий могут быть указаны изменяющиеся год от года фамилии их владельцев. Это является свидетельством отсутствия единого и устоявшегося подхода к формированию названий таких сел с одной стороны, и о предпринятии попыток облегчения их идентификации посредством выработки уникальных названий каждого из них — с другой⁹.

¹ Это село и далее будет оставаться единственным в уезде селом, сохранившим в своем названии составляющую «Покровское». Поэтому в дальнейшем представлении настоящего исследования эта пара поселений упоминаться не будет

² ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 745, Д. 1717, Л. 671 и 715

³ При недостаточности приводимых в указанных местах сведений для идентификации сел в наши дни можно использовать сведения, содержащиеся в метрических записях о каждом регистрируемом событии

⁴ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 747, Д. 1252, Л. I и Юб., 367, 385

⁵ Это имеет место примерно в половине случаев, в оставшихся же случаях какие-либо уточнения отсутствуют. Примерами наличия и отсутствия подобных записей могут служить реестры метрических книг 1846 и 1847 гг. соответственно (ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 745, Д. 1717, Л. I; ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 745, Д. 1742, Л. I)

⁶ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 745, Д. 1333, Л. 26

⁷ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 745, Д. 1742, Л. 616об. 621

⁸ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 745, Д. 1742, Л. 668об. 674

⁹ Кроме того, происходящие с течением времени изменения фамилий владельцев сел, влекущее за собой изменения их названий, вызывает очевидные неудобства при использовании сформированных подобным образом названий, и в конечном итоге делает его весьма затруднительным

Анализируя реестры церковных документов, составленные в течение 50-х гг., например, метрической книги 1855 г., можно заметить, что во вторых частях названий бывших ранее одноименными сел в большинстве случаев указываются фамилии *наиболее значимых* исторических персон, когда-либо ранее владевших ими¹. В результате появляются названия: «Горбово Мосальских» и «Горбово Хованских», а также «Никольское Долгоруковых» и «Никольское Гагариных»². Для идентификации же сел Васильевских в эти годы используется географический признак: для села, расположенного на берегу реки Москвы (с Воскресенским храмом³), в реестре упомянутой выше метрической книги 1855 г. указывается — «Васильевское на Москве реке».

На основе выполненного анализа составляемых духовным ведомством рукописных документов становится возможным заключить, что для большинства ранее имевших одинаковые названия сел⁴ к 50-м гг. XIX в. был выработан способ формирования и сформированы пригодные для использования *в этих документах* устойчивые во времени и в то же время уникальные названия. В результате этого большая часть сел могла быть однозначно идентифицирована исключительно с использованием их названий.

Впоследствии, на протяжении второй половины XIX в. и в начале XX в., названия рассматриваемых в настоящей публикации сел практически не изменялись. Увидеть, какими они были, можно на титульных листах метрических книг из 1912 г.⁵ В таком же виде их можно встретить и в используемых нами описях материалов, находящихся на хранении в Центральном городском архиве Москвы. Для сел двух первых пар: «Горбово-Хованское» — «Горбово-Мосальское» и «Никольское-Гагарина» — «Никольское-Долгорукого» соответственно. Села третьей пары имеют одинаковые названия: «Васильевское». Очевидно, что уникальные названия обеспечивали возможность идентификации каждого из сел не прибегая к указанию их иных особенностей, а села же третьей пары различали (и различают, при выполнении различных работ в наши дни), зная освящения действовавших в них храмов.

Анализ названий, использовавшихся приблизительно в это же время в издаваемых светскими властями печатных материалах, можно выполнить с использованием сведений изданного в 1862 г. Сборника статистических сведений о населенных местах Московской губернии⁶. В нем присутствует значительное количество объектов, имеющих одинаковые названия. Правда, во многих случаях типы этих объектов различаются. Так, во всех уездах Московской губернии, в которых в совокупности насчитывалось 5 811 поселений, 54 объекта имеют название «Никольское», 27 — «Покровское», 20 — «Васильевское» (без разделения на «Васильевская» и «Васильевское») и 6 — «Горбово».

---

¹ На титульных листах книг продолжают указываться только освящения храмов, расположенных на территориях сел, и лишь в случаях полного совпадения и названий, и освящений для разных сел (как это имеет место для сел Никольских) — вторые части указанных в реестре их названий

² И все же следует заметить, что во вторых частях названий сел, приводимых в реестрах, в редких случаях по-прежнему можно встретить фамилии владельцев, актуальные на даты составления соответствующих документов. В качестве примера можно привести случай с, казалось бы, уже устоявшимся во времени названием села «Горбово Мосальское», которое в реестре исповедных ведомостей 1854 г. обозначено как «Горбово Г. Пашковой» (ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 747, Д. 1688, Л. 1)

³ Здесь и далее по тексту статьи в подобных случаях в скобках приведены указываемые в документах и рассмотренные ранее в примерах особенности, позволяющие понять, о каком именно из одноименных сел ведется речь

⁴ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 745, Д. 1959, Л. 1, Юб.

⁵ ЦГАМ, Ф. 203, Оп. 780, Д. 4368 и 4370

⁶ Московская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Издан центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. Обработан Старшим Редактором Е. Огородниковым. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1862. Т. 2

Для именования рассматриваемых в представляемой работе сел Горбовых в названном сборнике используются ранее уже встречавшиеся названия «Горбово» и «Богородское», для пары сел Никольских — «Никольское» и «Ново-Никольское» (Гагариных и Долгоруковых, соответственно), оба же села Васильевских носят одинаковые названия.

В алфавитном указателе рассматриваемого сборника населенных мест, призванном облегчить поиск необходимых сведений о них (что делает его назначение аналогичным оному для рассмотренных выше реестров церковных документов), указаны названия *уездов* и номера станов¹ (это номера «1» или «2»), в которых они располагаются². Это способствует значительному уменьшению неопределенности при поиске сведений о нужном поселении, но не исключает полностью возможности возникновения проблемы идентификации объектов с одинаковыми названиями и типами, т. к. в каждом из станов учитываются объекты, располагающиеся на территориях, примерно равных половине территории уезда.

Для обеспечения же однозначной идентификации объектов в основном разделе рассматриваемого издания применен оригинальный прием: внутри указанных станов для каждого из уездов объекты перечисляются в той последовательности, в которой их встречал бы путник, следовавший из указанного в справочнике пункта отправления в пункт назначения, по левую или правую сторону от соединявших эти пункты шоссе, трактов, железных дорог и прочих объектов транспортной инфраструктуры.

Подводя итоги анализа всех приведенных выше материалов XVI–XIX вв., имеющих текстовую форму представления информации, можно отметить, что в них для идентификации имеющих одинаковые названия сел могли указываться как те сведения о селах, которые являются существенными и специфическими для составляющего материалы *ведомства* (например, для духовного ведомства таковыми являлись освящения храмов и фамилии священнослужителей), так и *общие сведения* (например: названия уездов и волостей, а также номера станов, в которых они располагались; фамилии персон, которым они принадлежали; их расположения относительно природных или антропогенных объектов и пр.).

Начиная с середины XIX в. в Российской империи создается значительное количество картографических материалов.

На наиболее известной профессиональному сообществу нашего времени, двухверстной топографической карте Московской губернии 1860 г., созданной военно-топографическим депо под руководством Ф. Ф. Шуберта³, села Васильевские и Никольские рассматриваемых пар имеют одинаковые, не снабженные какими-либо дополнительно идентифицирующими их сведениями названия, и лишь для одного из сел Горбовых под его основным названием, «Горбово», в скобках более мелким, чем использованным для указания основного названия шрифтом, приведено уточнение: «Богородское».

Фигурировавшие на этой карте названия поселений можно встретить также и на издаваемых вплоть до 20-х гг. следующего века иными светскими ведомствами картографических материалах. Примерами могут служить следующие карты десятиверстного

¹ Понятие «стан» в XIX и XVI вв. имеют различное толкование. Территории станов XIX в. значительно более крупные, чем в XVI в., и равны примерно половине территории уезда

² Для поселений указаны также и их номера, являющиеся сквозными для обоих томов справочника, но они призваны лишь обеспечить удобство отыскания места нахождения необходимых сведений в справочнике

³ Топографическая карта Московской губернии. Составлена с топографической съемки, произведенной в 1852 и 1853 гг. СПб.: Военно-топографическое депо, 1860. 40 л.

масштаба: Карта Московской губернии Тодта¹, Карта производств², Гидрогеологическая карта³ и Карта земских пунктов⁴. Использование названий, указанных именно на карте Шуберта 1860 г. можно объяснить тем, что ситуация на этой карте была изображена с высокой точностью и подробностью, в следствие чего на основе этой карты создавались многие последующие, как все названные выше, так и иные, картографические материалы.

Таким образом, можно констатировать, что с течением времени наносимые на картографические материалы названия поселений оставались практически неизменными. От используемых на карте Шуберта 1860 г. их отличало лишь отсутствие указаний *использовавшихся ранее названий*⁵.

Все отмеченное выше, казалось бы, приводит к выводу, что используемые в материалах, издаваемых светскими властями во второй половине XIX – начале XX вв. названия сел являются устоявшимися и практически неизменными. Однако названия сел, фигурирующие в Сборнике статистических сведений по Московской губернии 1881 г., весьма отличаются от указанных выше. В тексте сборника для рассматриваемых сел двух первых пар используются названия, соответственно: «Богородское-Горбово» — «Горбово» и «Никольское-Гагарино» — «Никольское», а оба села третьей пары имеют устойчивые во времени одинаковые названия⁶ «Васильевское» [Сборник..., 1881, с. 20, 21]. На прилагаемой же к сборнику составленной в шестиверстном масштабе карте⁷ села двух первых пар имеют несколько иные названия: «Богородское» — «Горбово» и «Никольское-Гагарино» — «Долгоруково» соответственно.

Еще один пример употребления иных названий рассматриваемых сел представляют «Списки господам помещикам и имениям Рузского уезда»⁸. Этот документ, представлявший информацию по состоянию на 16 февраля 1861 г., был составлен по поручению Московского дворянского депутатского собрания. В нем села принятых к анализу в настоящей работе пар имеют следующие названия: «Богородское, Горбово тоже» (Хованских; в 1861 г. принадлежало штаб ротмистру Девитте) — «Одигитриевское» (Мосальских; в 1861 г. — девицы Пашковой) и «Никольское» (в 1861 г. — Гагариных) — «Ново-Никольское» (в 1861 г. — Долгоруковых).

Рассматривая материалы двух последних примеров, можно заметить, что они были подготовлены с использованием документов, составленных непосредственно в уезде по

¹ Планы на уездные города и посады Московской губернии. Составлены надворным советником Тодт, 1873. Атлас. 17 л.

² Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879–1885-е гг. Часть I. М., 1890. 101 с. 3 л.

³ Гидрогеологический очерк Московской губернии Н. Д. Соколова с портретом Н. Д. Соколова и гидрогеологическою картою Московской губернии. Под ред. и с доп. статьями В. Д. Соколова. М.: Московск. губ. земство, 1913. 158 с. 2 л.

⁴ Московская губерния. Лечебные, ветеринарные, страховые и агрономические земские пункты и шоссейные дороги к началу 1916 г. М.: Типография товарищества Кушнерева и Ко, 1916. 1 л.

⁵ Проблема идентификации изображенных на картографических материалах поселений не стоит столь остро ввиду того, что указываемое на картах местоположение объектов обеспечивает возможность различать поселения с одинаковыми названиями. Однако при использовании картографических материалов возникновение проблемы идентификации одноименных поселений все же возможно, например, при составлении их описаний на основе снятой с карт информации, в ходе которого может потребоваться приведение уточняющих сведений о том, о каком именно из одноименных поселений ведется речь

⁶ В данном случае села различают посредством приведения сведений о них в числе сел, относящихся к различным волостям

⁷ Схема церковных приходов и волостей Можайского и Рузского уездов 1877 г., составленная по поручению Московской губернской земской санитарной комиссии С. Матвеевым

⁸ ЦГАМ, Ф. 4, Оп. 17, Д. 375

поручению губернских властей и содержали сведения о небольшом количестве объектов¹. В использованных для подготовки этих материалов исходных документах фигурировали названия, которые, подвергаясь изменениям, были сформированы и использовались в эпохи составления каждого из документов представителями различных общественных групп, в т. ч. и весьма немногочисленных². Именно этим обстоятельством, по всей видимости, и следует объяснить присутствие в рассмотренных материалах названий сел, используемых практически в месте их расположения (в уезде). Эти названия буквально «проникали» вместе со сведениями, содержащимися в используемых документах, в создаваемые на их основе материалы. Так могло происходить и при создании указанного статистического сборника³, для подготовки которого использовались документы духовного ведомства: метрические книги⁴ и исповедные ведомости [Сборник..., 1881, с. 14, 65].

Наиболее поздними из проанализированных в представляемом исследовании материалов являются два справочника, подготовленных светскими властями губернского уровня в начале XX в.

В первом из них, Приложении к памятной книжке Московской губернии 1911 г., содержатся сведения примерно о 7 350 поселениях. В первой паре объектов, избранных для представления настоящего исследования, оба села называются одинаково — «Горбово»; пара сел Никольских — «Никольское» (Гагарина) и «Ново-Николаево» (Долгоруковых), соответственно; название располагающегося на реке Москве села Васильевского не изменяется, а на месте второго села Васильевского теперь расположены два села, имеющие названия: «Нижнее Васильевское» и «Верхнее Васильевское»⁵ [Приложение..., 1911, с. 400, 401, 406, 409, 411, 417].

Во втором из них, изданном в 1929 г., уже в эпоху существования СССР, очередном, содержащем статистические сведения примерно о 7 500 поселениях справочнике, фигурируют следующие пары названий рассматриваемых сел⁶: «Горбово» — «Горбово (Мос.)» (Мосальских), «Никольское» (Гагарина) и «Никольское Д.» (Долгоруковых), «Васильевское» (расположенное на реке Москве) — «Васильевское-Нижн.» и «Васильевское-Верхн.», соответственно. Интересно отметить, что принадлежавшее Шереметевым село Покровское в этом справочнике фигурирует под названием «Покровское-Шереметев.», вероятно, по причине того, что это название, являясь уникальным, обеспе-

¹ В это время в Рузском уезде количество сел не превышает 5 десятков

² В данном случае речь ведется о группе лиц, являвшихся консисторскими служащими. К сожалению, в наши дни не представляется возможным выяснить, сформированные и используемые в каких именно общественных группах названия переносились в создаваемые тем или иным ведомством материалы. Это могли быть лица, объединенные, например, по территориальному (чиновники столичных, губернских или уездных ведомств), ведомственному (пути сообщения или горное дело) или иным признакам

³ Эти названия в несколько измененном виде можно обнаружить и на прилагаемой к сборнику карте

⁴ В Российской империи регистрация фактов рождения и заключения брака, а также смерти и ее причин для лиц Православного вероисповедания велась *церковными* властями (для лиц иных конфессий — полицией) [Генеалогическая..., 2004, с. 28, 29]. Следует заметить, что при подготовке сборника использовались также и сведения, полученные в результате проведенной в 1869 г. *светскими* властями подворовой переписи населения [Сборник..., 1881, с. 16]

⁵ В документах 10-х и на картах 30-х гг. XX в. то из сел Васильевских, на территории которого располагался Рождественский храм, будет именоваться «Нижнее Васильевское». Изменение названия произошло вследствие того, что по мере развития этого села две его части, расположенные на разных сторонах правого притока реки Болденки, стали рассматриваться составителями различных материалов как два разных поселения: «Нижнее Васильевское» и «Верхнее Васильевское». В 80-е же годы XX в. это село в документах и на картах, как встарь, будет вновь именоваться Васильевским

⁶ Заметим, что в 1922 г. Рузский уезд был упразднен, а его волости были переданы смежным с ним уездам

чивало однозначную идентификацию данного села [Справочник..., 1929, с. 106, 126, 128, 358, 360, 364].

Несмотря на то, что в справочнике 1929 г. названия всех рассмотренных в ходе представления настоящего исследования сел являются уникальными, в нем все также присутствуют и села, названия которых одинаковы: 5 Васильевских, 7 Никольских и 9 Покровских (с учетом же деревень одноименных поселений значительно больше).

Однозначная идентификация каждого из имеющих одинаковые названия сел в реестрах названных материалов обеспечивалась путем указания волостей, в которых они располагались, а в основных частях — посредством приведения сведений о них среди поселений, сгруппированных по этому признаку. Таким образом, следует признать, что способ идентификации оставался тем же самым, что и в писцовых книгах середины XVI в.

В результате анализа всех использованных для выполнения настоящего исследования материалов (составляемых как светскими властями, так и церковными; как в рукописном виде, так и в печатном; как имеющих текстовую форму представления информации документов, так и картографических материалов) можно сделать следующие заключения.

Фигурирующие в исторических материалах названия *существенным образом* определялись *способом* создания этих материалов и количеством учитываемых в них объектов.

Составленные «от руки» в единственном экземпляре материалы духовного ведомства содержали сведения о небольшом количестве совместно учитываемых объектов. Это приводило к тому, что сделанные в их регистрах пометки и предпринимаемые попытки сформировать уникальные названия упоминаемых в них сел не могли оставаться незамеченными их пользователями, что в конечном итоге способствовало формированию удобных в использовании названий. Эти названия употреблялись членами сформировавшей их группы лиц, лишь в редких случаях «выходя» за ее пределы.

В материалах, содержащих сведения о больших количествах объектов, фигурировали исторически устоявшиеся названия объектов. Эти названия были сформированы в течение естественного потока жизни Русского общества и использовались различными общественными группами, позднее находя свое отражение в документах. Изменения используемых в подобных материалах названий происходили лишь в редких случаях. Целенаправленное формирование уникальных названий для идентификации каждого из объектов в этих случаях было практически невозможным¹.

Завершая представление настоящего исследования, следует отдельно отметить, что используемые для его выполнения методические подходы инструмента «Большие данные» позволили использовать сведения, содержащиеся в источниках, различающихся по их назначению и формам представления содержащейся в них информации (картографические материалы, метрические книги, статистические справочники и пр.), а обеспеченные именно с его использованием способы выявления зависимостей — выявить, в частности, зависимость между фигурирующими в исторических материалах названиями поселений и условиями, оказывавшими влияние на их формирование, а также зависимость особенностей различных материалов от тех или иных характеристик их составителей.

---

¹ Имевшие идеологическую основу и протекавшие в СССР в более поздние периоды времени под централизованным влиянием власти процессы формирования и последующего внедрения в использование названий различных поселений, протекавшие с учетом «интересов классовой борьбы», «искоренения пережитков прошлого», «формирования образа будущего» и прочих не являются предметом настоящего исследования вследствие необходимости использования иных подходов для их изучения

ВЫВОДЫ

В результате выполнения настоящего исследования становится возможным сделать следующие выводы:

1. Названия одних и тех же сел, фигурирующие в материалах, составляемых различными ведомствами в одну и ту же или в различные эпохи, а также в материалах, созданными властями уездного, губернского и иных уровней, могут различаться.
2. Идентификация одноименных сел в светских документах XVI – начала XX вв. при выполнении исследований в наши дни может быть выполнена посредством знания либо административно-территориальных единиц, на территориях которых они располагаются, либо их расположений относительно природных или антропогенных объектов. В церковных же документах XVIII – начала XX вв. идентификация одноименных сел может быть выполнена посредством принятия во внимание их отличительных особенностей, как специфических для духовного ведомства, так и их иных, светских.
3. Названия сел, представляющие интерес значительной части современного Русского общества и используемые при выполнении генеалогических исследований, а также фигурирующие в составленных церковными властями метрических книгах и книгах исповедных ведомостей, представляют собой лишь один из случаев названий, сформированных и используемых группой людей, объединенных по ведомственному признаку (церковных служащих).
4. В случае возникновения значительных затруднений, обусловленных проблематичностью поиска мест хранения сведений о поселениях, следует рассматривать как историю самих поселений, так и историю изменений административно-территориального и церковно-территориального делений той территории, на которой они располагаются.
5. Использование инструмента «Большие данные» при выполнении исследований в географии, картографии, истории межевого дела, генеалогии, краеведения и иных областях позволяет скрупулезно и всесторонне анализировать большие объемы разносторонних сведений, содержащихся в исторических материалах; выявлять способы их структурирования, применявшиеся специалистами различных ведомств в различные эпохи; и на основе этого вырабатывать имеющие прикладное значение рекомендации по отысканию необходимых сведений в наиболее затруднительных случаях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адлер Ю. П., Черных Е. А. Статистическое управление процессами. «Большие данные». Учебное пособие. М.: Издательский Дом МИСиС, 2016. 52 с.

Витов М. В. Севернорусская топонимия XV–XVIII вв. как исторический источник. Вопросы языкознания. М.: Наука, 1967. № 4. С. 75–91.

Генеалогическая информация в государственных архивах России: Справочное пособие. М.: Федеральное архивное агентство, ВНИИДАД, 2004. 280 с.

Кистерев С. Н., Тимошина Л. А. Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг. Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 4. М.: Памятники исторической мысли, 1997. 300 с.

Кондрашина В. А., Лукичев М. П., Тихонюк И. А. Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1992. 156 с.

Красовский А. П. Оценка изменений совокупности сельских храмов Рузского уезда Московской губернии в XVII–XIX вв. на основе документальных и картографических материалов. В сборнике: Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. М.: Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН, 2020. С. 193–209.

Кусов В. С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описание землевладений. М.: Издательский дом «Московия», 2004. Т. 3. 14 л.

Менделеев Д. И. Сочинения. Т. IX: Пороха. Ленинград – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. 313 с.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. Институт географии АН СССР. М.: Мысль, 1974. 384 с.

Поспелов Е. М. Географические названия Московской области. Топонимический словарь (более 3500 ед.). М.: Астрель, 2008. 608 с.

Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М.: Наука, 1985. 216 с.

Приложение к памятной книжке Московской губернии на 1912 г. Издание Московского Столичного и Губернского Статистического Комитета. М.: Губернская типография, 1911. 459 с.

Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарный. Т. II. Вып. I: Очерк статистики народонаселения Рузского и Можайского уездов С. П. Матвеева. Издание Московского губернского земства. М.: Типография С. В. Гурьянова, 1881. 226 с. (с 9 пл. и 7 диаг.).

Справочник по населенным местам Московской губернии. По материалам всесоюзной переписи 1926 г. Издание Московского статистического отдела, 1929. 349 с.

Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Вып. 1, А: Рузская десятина. М.: Типография Л. Ф. Снегирева, 1881. 288 с.

Шамшева О. В., Учайкин В. Ф., Медуницын Н. В. Клиническая вакцинология. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2016. 576 с.

REFERENCES

Adler Yu. P., Chernykh E. A. Statistical process management. “Big Data”. Textbook. Moscow: Publishing House of MISiS, 2016. 52 p. (in Russian).

Appendix to the commemorative book of the Moscow province for 1912. Publication of the Moscow Metropolitan and Provincial Statistical Committee. Moscow: Gubernskaya Printing House, 1911. 459 p. (in Russian).

Collection of statistical information on the Moscow province. The sanitary department. V. II, Iss. I. An essay on population statistics of the Ruzsky and Mozhaisky districts by S. P. Matveev. Edition of the Moscow provincial zemstvo. Moscow: Printing House of S. V. Guryanov, 1881. 226 p. (with 9 maps and 7 diagrams) (in Russian).

Directory of populated places in the Moscow province. Based on the materials of the All-Union census of 1926. The publication of the Moscow Statistical Department, 1929. 349 p. (in Russian).

Genealogical information in the State Archives of Russia: Reference manual. Federal Archive Agency, VNIIDAD. Moscow: 2004. 280 p. (in Russian).

- Kholmogorov V. I., Kholmogorov G. I.* Historical materials for compiling Church Chronicles of the Moscow diocese. Iss. 1, A: Ruzskaya tithe. Moscow: Printing House of L. F. Snegirev, 1881. 288 p. (in Russian).
- Kisterev S. N., Timoshina L. A.* Ruzsky district according to the scribe's book of 1567–1569. Materials for the history of Zvenigorod region. Iss. 4. Moscow: Monuments of historical thought, 1997. 300 p. (in Russian).
- Kondrashina V. A., Lukichev M. P., Tikhonyuk I. A.* Seasoning list from the scribal books of Zvenigorod district in 1558–1560. Materials for the history of Zvenigorod region. Iss. 1. Moscow: Monuments of historical thought, 1992. 156 p. (in Russian).
- Krassowski A. P.* Assessment of changes in the set of rural churches of the Ruzsky district of the Moscow province in the XVII–XIX centuries on the basis of documentary and cartographic materials. In the collection: Life and Death in the Russian Empire. New discoveries in the field of archeology and history of Russia of the XVIII–XIX centuries. Moscow: The Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, 2020. P. 193–209 (in Russian).
- Kusov V. S.* Lands of the Moscow province in the XVIII century. Maps of the counties. Description of land holdings. Moscow: Publishing House "Moskovia", 2004. V. 3. 14 sheets (in Russian).
- Mendeleev D. I.* Writings. V. IX: Gunpowders. Leningrad–Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949. 313 p. (in Russian).
- Murzaev E. M.* Essays on toponymy. Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Mysl', 1974. 384 p. (in Russian).
- Pospelov E. M.* Geographical names of the Moscow region. Toponymic dictionary (over 3 500 units). Moscow: Astrel, 2008. 608 p. (in Russian).
- Postnikov A. V.* The development of the cartography and use of the old maps. Moscow: Nauka, 1985. 216 p. (in Russian).
- Shamsheva O.V., Uchaykin V.F., Medunitsyn N.V.* Clinical vaccinology. Moscow: GEOTAR-Media, 2016. 576 p. (in Russian).
- Vitov M. V.* North Russian toponymy of the XV–XVIII centuries as a historical source. Questions of linguistics. Moscow: Nauka, 1967. No. 4. P. 75–91 (in Russian).
-